

Ренессанс в плену

В Барнауле оказалось немало военнопленных Германии, в силу своих профессий работавших на благо культуры города.

текст

ЕВГЕНИЙ
ПЛАТУНОВ

В различных изданиях, посвященных развитию спорта в Барнауле, не раз писали о тренере по гимнастике из числа австро-венгерских военнопленных Пшигоде. О Франце Ивановиче рассказывает в частности в мемуарах барнаулец Борис Александрович Юферов.

В биографии известного скульптора Валентины Антоновны Сенгалевич-Копыловой, жившей и работавшей с 1917 по 1922 год в Бийске, упоминается об ученике из числа пленных: «Другой ее ученик из Алтайского Народного университета, военнопленный австриец Юлиус Ерацек, получив от своей наставницы хорошие знания по анатомии и лепке, у себя на родине стал известным архитектором, передал в музей неплохую коллекцию произведений на-

Вацлав Малы.
Базар. Барнаул,
1915. Лицевая
и обратная
стороны
открытки.
Фото из личного
архива автора.

родного творчества, собранную им на Алтае в годы учебы у Сенгалевич.

Среди пленных было немало таких, кто с довоенных времен владел высоким уровнем мастерства в тех или иных направлениях искусства.

Так, чешский пленный — художник Малы (Malý) отразил жизнь Барнаула в своих рисунках. Эти работы широко разошлись в начале 1920-х в почто-

вых открытках, они выходили в серии «Památník odboje» (синхронный перевод с чешского дает название «Памятник сопротивления»). В этой коллекции собраны рисунки чешских пленных и солдат Чехословацкого корпуса, запечатлевших Сибирь в период с 1915 по 1919 год.

Рисунки пленного австро-венгерской армии чеха Малы представляют

чаще зимний Барнаул, его нехитрый быт, традиции, горожан. Мы видим барнаульцев в жанровых сценах, таких, какие были характерны для Барнаула сто лет назад: нищие на улице, люди из проруби на Оби набирают воду, похороны, улочку Барнаула с санями. На некоторых рисунках написано карандашом в нижнем

100 ЛЕТ С НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

правом или левом углу «Barnaul-Sibir. 1915». Мы можем взглянуть в лица наших земляков второго десятилетия XX века — они, как правило, даны крупно.

На обороте открыток указаны только фамилии художников, без имен. Экскурс в историю искусств Чехии выводит нас на известного в этой стране художника Вацлава Малы (1874–1935). После плена, на родине, он уделяет много внимания в своем творчестве жителям западной Чехии, этнографической группе ходов, главной обязанностью которых была охрана границ чешских земель с германскими княжествами. Иносказательно их можно назвать «моравскими казаками». Сравнение барнаульской серии работ с чешской позволяет видеть общее в манере писания тех и других работ, в частности, художник внимателен к деталям костюмов.

В музыкальной истории края также сохранились имена людей, оказавшихся волей судеб в Барнауле в Германскую войну, а позже ставших известными миру.

Прежде всего, это пленный немец Бруно Штрайх, отец выдающейся оперной певицы Риты Штрайх (1920–1987) — она родилась в Барнауле. В Усть-Калманке работал учителем белорусский беженец Михаил (Михась) Забейда-Сумецкий, который позже стал

знаменитым в Европе оперным певцом. Есть и еще одна малоизвестная история, связанная с пленным музыкантом и обнаруженная нами в книге Элизабет Фритц и Хельмута Кречмера «Музыкальные истории: народная музыка и венские песни» (Вена, 2006).

В этом издании мы нашли сведения о венском композиторе Людвиге Грубере (13.07.1884–21.07.1964), который, попав в плен на Германской войне, оказался в Барнауле. В своих рассказах венец отзывался о Барнауле как о городе миллионеров («einer Stadt der Millionäre Sibiriens»). Книга приводит следующие данные о Грубере: «Er blieb sogar noch nach dem Krieg in Sibirien, arbeitete sich in Barnaul ...vom Kinoklavierspieler zum Theaterkapellmeister empor, weiter zum Musikchef des Militärorchesters und schließlich zum Sinfoniedirektor der Stadt. Erst im Winter 1920 kehrte er nach Wien zurück». Переведем: «Он оставался после войны в Сибири, работал в Барнауле, сначала тапером в кинотеатре, потом дирижером в театре. Позже он руководил военным оркестром и, наконец, стал директором городского симфонического оркестра. В начале зимы 1920 года он вернулся в Вену». Кстати, в этой же статье о Грубере приводится свидетельство

**Венский композитор
Людвиг Грубер
отбывал плен
в Барнауле.**

мать была венкой» («Mei Mutter war a Weanerin»), которую будущий барнаульский тапер сочинил в 1908 году, широко представлена сейчас в различных исполнениях в Интернете.

В мае 1915 года германское издание «Illustrierte geschichte des europäischn krieges, 1914...» («Иллюстрированные истории евро-

**Вацлав Малы.
Похороны. Барнаул,
1915. Вероятнее всего,
рисунок сделан на На-
горном кладбище.**

**Обложка книги
«Иллюстриро-
ванная история
европейской
войны, 1914».**

пейской войны, 1914...») сообщило на странице СІХ точное количество военнопленных, находящихся в сибирских губерниях и городах, в том числе в Барнауле и в Бийске: «...in Tobolsk 998 und 7000, in Barnaul 5648, in Bijsk 2959, in Semipalatinsk 5029, in Pawlodar 1100 und 1208, in Ustjamenogorsk 1200 und 1176 ...». Как известно, в современных источниках количество пленных в Барнауле повсеместно называется 2500 человек.

Пленные говорили на разных языках — они были из Германии, Чехии, разных частей Австро-Венгрии. Неудивительно, что в 1916 году в Барнауле капитан Нойман из Вены преподавал эсперанто среди военнопленных. ◀

другого немца — некого Дитрикса, который добавляет к характеристике Барнаула следующее: «... ein Leben wie in Paris herrschte», что означает «жизнь в Барнауле господствует такая же, как в Париже». Думается, речь шла о культурной жизни города.

Людвиг Грубер сочинил в 1914 году «Landsturmlied» — походную песню австрийского ополчения. Песня «Моя